

В ту ночь в саду рос один особенно нежный цветок.

Его любили так сильно, что он увял, а садовник лишь сказал: так даже красивее.

Сердцевина цветка дрожала, раскрывалась, понемногу сжималась...

И в конце концов обратилась в прах.

...

Шесть утра.

Цзян Юй ещё не до конца проснулся. Лежа в постели, он провалился в длинный тяжёлый кошмар.

Истоком этого кошмара был приют.

Психологическая тюрьма, из которой он так и не сумел выбраться за всю жизнь.

И место, где началось уродливое переплетение его судьбы с судьбой Ши Цзянтина.

Цзян Юй действительно был перед ним виноват.

Но вовсе не потому, что убил его.

А потому что после смерти не догадался провести нормальный обряд упокоения.

Вот Ши Цзянтин и вылез из земли, чтобы найти его.

Десять лет назад интернет ещё не был повсюду, а ресурсы между детскими домами распределялись чудовищно неравномерно. Где-то по прихоти открывали сотню учреждений, а где-то девяносто девять из ста закрывались за одну ночь — и восстановить их уже не разрешали.

Приют, в котором с детства жили Цзян Юй и Ши Цзянтин, оказался одним из самых обделённых. Он едва держался на плаву и каждый день балансировал на грани закрытия.

Назывался он приютом «Шоуван».

Дети здесь почти всегда недоедали и мёрзли. Найти крошечный кусочек мяса в тарелке овощей считалось невероятной удачей.

Не то что сейчас — захотел мяса и просто купил.

Столовая была тесной и набитой детьми в старой, заношенной одежде. В очереди толкались плечом к плечу. Чуть задержишься — останутся одни овощные обрезки.

В те годы Цзян Юй был жалко маленьким. В тринадцать лет он ростом не дотягивал даже до многих десятилетних — тяжёлое недоедание давало о себе знать.

Дети постарше постоянно вытесняли Цзян Юя в самый конец очереди, а тот не смел возразить.

Потому что был слишком труслив.

Не спорил, не отстаивал своё и вечно прятался в панцире, как черепаха.

Дети один за другим заходили в столовую и совершенно естественно вставали перед Цзян Юем. Его оттесняли всё дальше назад, будто так было заведено испокон веков.

Тихий голос Цзян Юя едва можно было услышать:

— Вы... вы так нечестно... Я ведь раньше пришёл...

Крепкий мальчишка впереди обернулся и презрительно фыркнул:

— Ну влез я перед тобой, и что? Не нравится — ударь меня!

Остальные тут же подхватили насмешки.

В любой группе почему-то обязательно находится человек, которого выбирают мишенью.

Логика в этом нет.

Ты можешь ничего не делать — тебя всё равно будут травить.

Можешь бесконечно уступать и стараться стать незаметным — уважения это не принесёт.

Цзян Юй изменить ситуацию не мог. Оставалось надеяться на кого-то другого.

БАХ!

Мальчишка ещё не успел договорить, как тяжёлый кулак врезался ему прямо в глаз. Удар был такой силы, что тот рухнул на пол.

Он схватился за лицо и завыл:

— Ай! Ай! Учитель! Меня бьют! Ай...

Цзян Юй испуганно посмотрел в сторону.

Ши Цзянтин был на голову выше него. Сейчас он совершенно спокойно разминал кулак, а затем, словно защищая детёныша, потянул Цзян Юя себе за спину.

С насмешкой глядя на лежащего мальчика, он спросил:

— Ну вот, я тебя ударил. Значит, теперь мы тоже можем влезть перед тобой?

Тот зло уставился на него, но не смог выдать ни слова.

В столовой стало так тихо, что можно было бы услышать падение иголки. Однако вмешиваться никто не собирался.

Здесь дети росли по закону сильного.

А над этим законом стояли воспитатели.

Для взрослых Ши Цзянтин был самым полезным помощником: умный, понятливый, любимчик почти каждого. Поддержать порядок, перетащить вещи — всё поручали ему.

Само собой, среди детей он постепенно стал чем-то вроде главного.

И этот главный почему-то был ближе всех именно с Цзян Юем.

Ши Цзянтин взял Цзян Юя за руку и уверенно пошёл вперёд. Окинув вставших без очереди детей холодным взглядом, спросил:

— Мне каждого сначала ударить, а потом пройти вперёд?

— Н-не надо...

Мальчишка поспешно отступил и сам отправился в конец очереди.

Так Ши Цзянтин и вёл Цзян Юя вперёд — шаг за шагом.

Никто не смел преградить дорогу.

Сначала Цзян Юй робко шёл за ним, опустив голову. Но, замечая страх окружающих, постепенно почувствовал странную гордость.

Он украдкой смотрел на спину Ши Цзянтина и думал: как же хорошо, когда тебя защищают.

А ещё было приятно видеть, как теперь боятся те, кто раньше издевался над ним.

Детские чувства просты. В тот момент Цзян Юй был похож на маленького павлина, распутившего хвост и без слов объявлявшего всем вокруг:

Ши Цзянтин хочет дружить именно со мной!

Мы самые лучшие друзья!

А вы — никто!

Вскоре они добрались до окна раздачи.

Женщина за стойкой даже головы не подняла и раздражённо бросила:

— Что дали, то и ешьте! Нечего выбирать! Уже хорошо, что вообще кормят и вы живы. Сами посмотрите, какие тут условия!

Очевидно, дети впереди слишком много жаловались, и она окончательно разозлилась.

Ши Цзянтин легонько постучал по стойке.

— Тётушка, это я.

Женщина подняла голову и, увидев его, тут же смягчилась.

— Ой? Ты чего здесь ешь? Учителя тебе отдельно ничего не приготовили?

Ши Цзянтин улыбнулся.

— Соскучился по вашей еде, вот и пришёл попробовать. Кстати, крем для рук, который я принёс вам снаружи, пригодился? Если понравился, в следующий раз принесу ещё несколько.

— Ой, замечательный! Зимой руки всё время трескались, а с ним перестали! Наверное, дорогуший?

Несколько фраз — и раздражение женщины исчезло. Они уже оживлённо болтали.

Воспользовавшись моментом, Ши Цзянтин протянул ей поднос Цзян Юя и сияюще улыбнулся.

— Тогда можно вас попросить?

Она решила, что еда для него, радостно взяла тарелку и специально спрятала под овощами несколько хороших кусков мяса.

— Ешь побольше, ребёнок. Из этого паршивого места именно у тебя больше всех шансов выбраться!

— Спасибо.

Ши Цзянтин забрал поднос и с победным видом приподнял бровь в сторону Цзян Юя.

Получилось.

Цзян Юй счастливо улыбнулся, ухватился за руку Ши Цзянтина, и они вместе ушли.

В углу столовой глаза Цзян Юя уже сияли при виде еды. Он собирался сесть, но Ши Цзянтин остановил.

— Подожди.

Он достал из кармана салфетку и тщательно вытер пыль со стула.

— Совсем воспитания нет у этих мелких. Стулья вообще-то не для того, чтобы по ним ногами ходить.

Он вздохнул, будто сам был взрослым.

— Ладно, на этом сяду я. А ты садись напротив.

Цзян Юй слушался его почти во всём. Молча сел на другое место, не отводя глаз от еды.

Ши Цзянтин подвинул поднос к нему, подпёр щеку рукой и улыбнулся.

— Ешь скорее. Потом пойдём гулять в сад.

— Угу!

Цзян Юй энергично кивнул, не скрывая восторга.

Всё выглядело таким мирным и правильным.

Правда?

Не спешите.